

П. А. Плетнев

Из очерка "Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова"

Крылов И. А. в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. - М.: Худож. лит. 1982. - 503 с. (Серия литературных мемуаров) М., "Художественная литература", 1982

OCR Бычков М. Н.

В лице Ивана Андреевича Крылова мы видели в полном смысле русского человека, со всеми хорошими качествами и со всеми слабостями, исключительно нам свойственными. Гений его как баснописца, признанный не только в России, но и во всей Европе, не защитил его от обыкновенных наших неровностей в жизни, посреди которых русские иногда способны всех удивлять проницательностью и верностью ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровию в делах своих. Судьба не благоприятствовала Крылову в детстве и лишила его тех пособий к постепенным успехам в литературе и обществе, которыми других наделяют рождение, воспитание и образование. Но он, как бы наперекор счастью, впоследствии времени приобрел все, что необходимо писателю и гражданину. Он даже успел развить в себе несколько талантов, составляющих роскошь и для счастливорожденного молодого человека. Победивши первые препятствия к благополучию и удовольствиям жизни, он на время ослабил деятельность свою в расширении знаний и с непонятным равнодушием провел несколько лет почти без дела. Наконец снова и почти бессознательно принялся Крылов за тот род поэзии, которому ныне обязан бессмертием своим.

Удивительнее всего, что ему суждено было начать славное свое поприще в такие лета, когда многие перестают писать сочинения в стихах, предпочитая им прозу. Между тем остался ли хоть легкий след на этих трудах, что автор не вовремя приступил к ним? Нет: рассматривая их живость и красоты, получаешь убеждение, что это те неувядающие цветы поэзии, которыми юность украшает гения. И вот Крылов достигнул тогда истинной славы, всеобщего уважения, самой чистой к нему привязанности тех, которые были к нему близки и вполне оценили дар его. Счастье вознаградило его за все лишения молодости. Он был обеспечен на всю жизнь. Казалось, перед любознательным, тонким и светлым умом его открылись все пути к бесконечной деятельности литератора. Но он и своею поэзиею занимался только как забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его к себе. Деятельность современников не возбуждала его участия. Он чувствовал выгоды и безопасность положения своего и не оказал ни одного покушения расширить тесную раму своих умственных трудов. Так один успех и счастье усыпили в нем все силы духа. В своем праздном благоразумии, в своей безжизненной мудрости он похоронил, может быть, нескольких Крыловых, для которых в России много еще праздных мест. Странное явление: с одной стороны, гений, по следам которого уже идти почти некуда, с другой - недвижный ум, шагу не переступающий за свой порог <...>

Андрей Прохорович Крылов (отец баснописца) принадлежал в свое время к числу людей замечательных <...> Нельзя не предполагать, что природный ум его украшен был по возможности и некоторыми знаниями. Все, что Крылов помнил и сам рассказывал о матери своей, несомненно, говорит в пользу ее мужа. Женщина, дорого ценившая хорошее воспитание сына своего и собственными соображениями находившая средства к его образованию, конечно, приготовлена была к тому замужеством с человеком не грубым, не пустым, но дельным и чему-нибудь учившимся. По смерти Андрея Прохоровича Крылов получил в наследство целый сундук книг, собранных отцом, У человека, который принужден всегда жить по-походному, это большая редкость <...>

На детей, родившихся с поэтическими способностями, обыкновенно первое и самое сильное впечатление производят драматические сочинения. Так было и с Крыловым. В голове его, наполненной героями древней Греции и Рима, составлялись разные планы театральных пьес. Но, не находя пособий в сведениях своих к образованию чего-нибудь определенного и полного, никак не умел он приготовить сносного сочинения из этих материалов. Вероятно, какая-нибудь старинная русская опера послужила для него образцом и успокоила воображение его. На пятнадцатом году он написал свою оперу "Кофейница". Это сочинение никогда не было напечатанным. Впоследствии времени Гнедич выпросил себе у Крылова, как драгоценность, рукопись детского его произведения и хранил у себя до смерти <...>

Время прибытия Крылова в Санкт-Петербург замечательно по некоторым обстоятельствам, касавшимся драматического искусства в России, предмета, на который тогда устремлена была вся